

Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии в 1812-1814 гг.

Проблема военнопленных Великой армии в последние годы занимает значительное место в отечественной историографии эпохи наполеоновских войн. Однако в работах, посвященных пребыванию пленников в отдельных регионах Российской империи, по-прежнему ощущается недостаток. Наша статья, основанная на материалах Государственного архива Пензенской области и воспоминаниях самих пленных, призвана в некоторой степени восполнить указанный историографический пробел.

Государственный архив Пензенской области (ГАПО) содержит в фондах Канцелярии пензенского гражданского губернатора и Пензенского губернского правления 24 дела, в которых имеется информация о пребывании в Пензенской губернии военнопленных Великой армии. 22 дела общим объемом более 1,5 тыс. листов относятся непосредственно к военнопленным. Это двусторонняя административная переписка губернатора на трех уровнях (со столицей, другими губернаторами и местными уездными властями), рапорты препровождавших партии военнопленных офицеров и чиновников, списки прибывавших и находившихся в губернии пленных, их прошения и другие сведения, дающие ценный материал об этой странице истории Отечественной войны 1812 года.

Первоначально Пензенская губерния исполняла роль перевалочного пункта на пути дальнейшего следования пленных. Установить время прибытия в Пензу первой партии военнопленных по архивным данным не представляется возможным. Первый из сохранившихся в ГАПО документов по интересующей нас теме относится к январю 1813 г. Тогда, в ответ на предписание главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова № 28 от 4 января 1813 г. о предоставлении сведений военнопленных, составляется ведомость о числе проходивших через Пензенскую губернию военнопленных на 14 января. Согласно ей, через губернию за указанный срок проследовало 2428 пленных, в том числе генерал и 59 офицеровⁱ. Трое из проходящих офицеров, лейтенант Карл Пиерпон и су-лейтенанты Лион Мишель Пасто и Клод Бернар Вало, были оставлены в пензенском лазарете за болезнью, они и стали первыми «постоянными» пленнымиⁱⁱ. Несколько позже, в донесении от 4 марта, сообщается, что большинство военнопленных, следующих из Тамбова через Пензу, а именно генерал барон Кореей, 56 штаб и обер-офицеров и 2346 нижних чинов направлялись в Саратов, а в Вятку – всего 6 обер-офицеров и 22 нижних чиновⁱⁱⁱ.

К этому же времени относится сбор информации об умерших в проходящих партиях. В Пензенской губернии таковых оказалось 12 нижних чинов, причем все они были погребены вне кладбищ^{iv}.

Также весной через губернию, минуя Пензу, проходили небольшие партии поляков, наблюдение за которыми было поручено чембарскому земскому суду^v.

Первая партия военнопленных офицеров для проживания в губернии прибыла около 18 июня 1813г. Она насчитывала 108 штаб и обер-офицеров и 20 нижних чинов. В числе прочих в партии находились мемуаристы вюртембергские обер-лейтенанты Людвиг фон Йелин и Юлиус фон Зоден. К штаб-офицерскому корпусу относились майоры Теодор Вундт, Розеф Обермайер и Вильгельм Грин, а также шефы батальонов Людвиг Фишер, Валентин Шпет и Андре фон Ламец^{vi}. В начале июля прибывшие офицеры были распределены по городам губернии: 37 из них остались в Пензе, 20 были отправлены в Городище, 11 - в Мокшанск, 21 - в Краснослободск, 19 - в Саранск. 10-12 июля пленные прибыли к местам назначения^{vii}.

Через Пензу в Саратов с коллежским регистратором Александровским прошла партия из 4 штаб-офицеров, 21 обер-офицера, 11 нижних чинов и одной женщины. После отдыха пленные 16 июля выступили к месту назначения^{viii}.

К 13 августа относятся распоряжения губернатора полицмейстеру о принятии партии из 49 офицеров и полиции об отправлении их в Керенск и Краснослободск. Она прибыла в Пензу в сопровождении поручика Апухтина из Могилевской губернии. В этой партии находился баварский обер-лейтенант Фридрих Фуртенбах, также известный мемуарист. Из других пленных стоит выделить Жанвье Сципиона, начальника бюро госпиталей и казарм Военного министерства Герцогства Варшавского^{ix}. Распределены пленные по городам губернии следующим образом.

Трое остались в Пензе, 30 французов отправились в Керенск, 16 человек, преимущественно немцев - в Краснослободск^x.

Первоначально данная партия насчитывала 50 человек, но французский су-лейтенант Иосиф де Варен сбежал при выходе из Орла, после чего явился к орловскому полицмейстеру, показав, что он не пленный, а дезертир. Сведения о де Варене были направлены главнокомандующему в Санкт-Петербурге, вскоре оттуда пришло распоряжение отправить того в Пензу под особое наблюдение полиции^{xi}.

6 октября в Пензу прибыла объединенная партия пленных из Минской и Могилевской губерний, следовавшая из Тамбова в сопровождении поручика Рязжского пехотного полка Раскова. 199 нижних чинов должны были поселиться в Пензенской губернии, а 9 обер-офицеров и 47 рядовых за побег надлежало отправить в г. Ишим Тобольской губернии^{xii}. Один из 199 нижних чинов умер еще в Тамбове, трое были оставлены в Пензе, а 195 пленных были отправлены в уездный Чембар^{xiii}.

28 сентября 1813 г. пензенский губернатор князь Г.С. Голицын получил предписание Особенной канцелярии Министерства полиции от 9 сентября за № 3358 о составлении по форме списков нижних чинов, находящихся в губернии и о доставлении их (списков) не позже 1 ноября в Санкт-Петербург. 30 сентября соответствующие предписания губернатора были отправлены на места, ответы пришли в период с 8 по 23 октября. На октябрь 1813 г. в пензенской губернии содержалось следующее количество нижних чинов: в Пензе - 2 унтер-офицера, 12 рядовых, в Мокшанске - унтер-офицер, 2 рядовых, в Саранске - унтер-офицер, 7 рядовых, в Городище - 4 унтер-офицера*, в Чембаре - 14 унтер-офицеров и 181 рядовой, всего - 22 унтер-офицера и 202 рядовых. Особую ценность этим спискам придают следующие данные о пленниках: возраст, национальность, полк, место и время пленения. Анализ этих данных - тема для отдельного исследования. Донесение со сводной ведомостью было отправлено в Санкт-Петербург 28 октября^{xiv}.

В начале ноября из Тамбова поручик Санкт-Петербургского ополчения Серебряков привел очередную партию военнопленных. Она насчитывала 4 штаб-офицера, 29 обер-офицеров, 11 нижних чинов. Из них баденцев: 3 штаб-офицера (майоров Карла Вицеля, Карла Нусбаумера и Фридриха Вюртля), 8 обер-офицеров, 3 нижних чина предписано было оставить в Пензе, а остальных отправить в Симбирск^{xv}. Однако, из «симбирцев» в Пензе за болезнью остались полковник Марк ле Трезорьер и один служитель^{xvi}.

18 ноября штабс-капитан Милковский донес губернатору о прибытии партии пленных из Смоленска. При проходе через Брянск из партии отлучились хорватский поручик Сливрич и французский рядовой Буфа, в Орле пропал рядовой Сиень, а в Воронеже остались за болезнью один офицер и два рядовых. Таким образом, до Пензы дошли штаб-офицер, 6 обер-офицеров, 126 нижних чинов, 8 женщин и 2 малолетних мальчика^{xvii}. Прибывшим было куплено зимней одежды на 382 руб. 75 коп, после чего 23 ноября 90 нижних чинов и 4 женщины убыли в Краснослободск^{xviii}.

Последние пленные прибыли в губернию уже в следующем, 1814 г., когда были освобождены военнопленные германских государств. 26 января дворянский заседатель Станевич сообщил о приходе отправленных из Орла в Пензу 3 обер-офицеров и 103 нижних чинов, в том числе 4 женщин. И здесь не обошлось без потерь: при отъезде из Тамбова не досчитались 4 рядовых. В тот же день все были отправлены в Мокшанск, куда прибыли 30 января^{xix}.

В связи с распространением заразных болезней, источником которых являлись сами пленные, весной 1813 г. по местам прохождения военнопленных для оказания помощи больным и консультирования уездных врачей был направлен инспектор пензенской врачебной управы^{xx}. Врачей в провинции, кроме губернских городов, явно не хватало, поэтому эту проблему российские власти пытались решить за счет пленных лекарей. В ответ на предписание Вязмитинова от 1 апреля 1813 г. у двух офицеров-медиков Пасто и Вало были отобраны письменные отзывы, хотят ли они вступить в российскую службу^{xxi}. Судя по всему, такого желания они не высказали.

Находясь в России, пленники имели возможность поддерживать связь с родиной. Переписка военнопленных была строго регламентирована. Сначала письмо из-за границы поступало в Санкт-Петербург, потом, после проверки в Министерстве полиции, отсылалось губернатору по месту жительства пленного, оттуда направлялось в город проживания, а уездное начальство донесением губернатору подтверждало факт передачи письма. Обратные письма шли по той же цепочке: уезд - губернский город - Санкт-Петербург - родина пленного. В случае пересылки с письмами денег, от пленных требовались расписки в получении, которые также отправлялись в Санкт-Петербург. Таким образом, в Пензенской губернии письма получили пленный капитан Ландсберг (два, в том числе одно письмо с 500 руб.), обер-лейтенант Майер, лейтенант Матье (два), лейтенант Кампгаузен (пять, в том числе одно письмо с 770 руб.), барон Еудорф, курьер Изидорс, лейтенант Гейст^{xxii}.

Был и другой способ доставки писем. Императрица Елизавета Алексеевна, в прошлом баденская принцесса, готова была помочь своим бывшим соотечественникам. Через нее, минуя проверку, получали письма баденцы капитан фон Цех, капитаны братья Шварц, лейтенант Фриш, капитан Фишер, хирург Буркхардт, шеф батальона фон Ламерц, лейтенант Гофман^{xxxiii}.

Однако не все действовали законными методами. Так, в пензенской губернской почтовой конторе были перехвачены два письма для военнопленных, поступивших с обычной почтой. Первое - на имя пензенского портного Франца Егетмайера с передачей капитану Цеху, второе - на имя капитана Медовщикова с передачей капитану Боно. Оба письма с секретным донесением были переданы губернатору и до адресатов не дошли^{xxxiv}. Письма писали и сами пленные — капитан Ландсберг, лейтенант Брака, курьер Ламберт. Последний, кроме письма, отправил в Париж вексель на 112 руб.^{xxxv}

13 сентября 1813 г. в Пензу поступили 7035 руб. из Герцогства Баденского для находящихся здесь баденских пленных. Деньги были вручены под расписку капитану Фишеру для раздачи^{xxxvi}. 885 рублей из этой суммы были им отправлены по почте в Саранск на имя лейтенанта Губаура. Местный полицмейстер проявил бдительность и, поскольку не имел никаких сведений на этот счет, арестовал эту сумму до особого распоряжения губернатора выдать деньги^{xxxvii}. 12 ноября капитан Фишер получил от неустановленного адресанта в Санкт-Петербурге еще 785 руб.^{xxxviii}

Фуртенбах особо отмечает помощь, полученную баварцами с родины от принцессы Амалии Баварской, как сказано в примечаниях к его запискам, дочери баварского короля Максимилиана I. В сентябре 1813 г. автор получил 76 руб. 92 коп.^{xxxix}. На самом же деле деньги поступили от принцессы Амалии Баденской - сестры императрицы Елизаветы Алексеевны, жившей в России. Возможно, впрочем, что она действовала по просьбе баварских властей. Еще 25 июля 1813г. Особенная канцелярия Министерства полиции разослала соответствующее предписание губернаторам. К предписанию был приложен и список баварских офицеров с указанием назначенной каждому суммы, в котором значится и поручик «барон Фридрих Вильгельм Фюрстенбах»; по всей видимости, это и есть наш герой^{xxx}. Йелин также писал о деньгах (по 25 руб. ассигнациями), полученных 6 ноября 1813г. многими пленными через полицию. Мемуарист предполагает, что это была помощь от императрицы Марии Федоровны. Однако ему самому не досталось ничего. Причину этого он видел в несовершенстве учета пленных, поскольку его писали в документах то как баварца, то как вюртембергца, то как офицера 4-го баденского гусарского полка^{xxxi}. Однако в некоторой степени это было компенсировано тем, что при возвращении на родину, уже весной 1814г. в Белостоке, Йелин получил помощь от императрицы-матери дважды (26 апреля - 40 руб. и 23 мая - 20 руб.)^{xxxii}.

В прошениях, которые подавали военнопленные администрации, высказывались разнообразные просьбы. Шеф батальона Ламерц просил о переводе своего служащего из Саранска в Краснослободск^{xxxiii}. Аналогичные просьбы писали майор Вундт^{xxxiv}, капитан Шварц, лейтенанты Фриг, Гофман и Гиеронимус^{xxxv}, лейтенант Мейер^{xxxvi}. Все они были удовлетворены властями. Совсем другим был результат, когда пленные требовали повышения денежного содержания. Так, французские капитаны Кутло и Эмон хотели получать ежедневно 1 руб. 50 коп, так как служили в гвардии^{xxxvii}. Майор Обермайер добивался преимущества, указывая, что в армиях немецких государств чин майора выше подполковника^{xxxviii}. Однако им было отказано. Единственный, кому плата была увеличена - майор Вундт, и то после подтверждения тамбовского губернатора, что до выхода того из Тамбова он получал запрашиваемую сумму^{xxxix}.

В августе 1813г. вестфальский лейтенант Фридрих Мендель написал прошение о желании вступить в Российско-германский легион, так как узнал, что там служит его брат^{xl}. После переписки губернатора с Санкт-Петербургом вопрос был решен положительно, и 17 октября Мендель отправился из Краснослободска в Ригу. Ему были выданы 15 руб. на продовольствие и 132 руб. 77 коп. на прогоны^{xli}. В декабре туда же отбыл еще один будущий легионер лейтенант Альберт Круземарк^{xlii}.

Не всем пленным довелось дожить до освобождения. Так, умерли из-за болезни хирург Буркхард^{xliii} и рядовой Луи^{xliv}, а рядовой Тюлье утонул во время купания в реке^{xlv}.

Ряд пленных выразили желание принять российское подданство. В пензенском архиве сохранились прошения лекаря Киво^{xlvi}, су-лейтенанта Боле^{xlvii}, унтер-офицера Дени^{xlviii}. Однако Киво, приняв подданство в августе 1813 г., в сентябре 1814г. возвратился на родину после соответствующего разрешения. Всего же из находившихся в Пензенской губернии пленных российское подданство приняли 10 человек: су-лейтенант Боле, унтер-офицеры Жерсе, Девисто, Дени, рядовые Батист, В ноль, Либероль, Колень, Мец, Брагир^{xlix}. Йелин в мемуарах также сообщает, что пленные часто получали предложения остаться в России, в частности в саратовских колониях, но

отклоняли ихⁱ.

Особенный интерес здесь вызывает личность унтер-офицера французского 11-го гусарского полка Луи Жерсе, попавшего в плен под Оршей 21 ноября 1812 г. По всем спискам он проходит как француз, но когда в 1816 г. правительство стало уточнять сведения о бывших военнопленных, принявших подданство России, о Жерсе было сообщено, что он англичанин, также была уточнена его фамилия (скорее всего исковерканная русской орфографией) - Чернией. Приняв присягу в Пензе в 1814 г., он вскоре переехал в Саратов, став приказнымⁱⁱ.

В начале сентября 1813 г. на пути из Нижнего Новгорода в Саратов через Пензу проехал оставшийся в России австриец П. Каминскийⁱⁱⁱ.

Поведение пленников было подчас для местных властей источником беспокойства.

В августе 1813 г. французский подполковник Пион, испытывая личную неприязнь к находившемуся в Пензе дезертиру, лейтенанту Парису, 25 августа спровоцировал ссору и вызвал Париса на дуэль. Местом дуэли был выбран лес недалеко от города. Парис запасся двумя саблями, которые он взял без позволения в домах у своих знакомых, поручика Конного полка Мартынова и частного пристава Кузьмина. Пион пришел с собственными пистолетами. Однако боя не состоялось, ему помешали местные жители, ставшие невольными свидетелями события, отнявшие у дуэлянтов сабли и не давшие пустить в ход пистолеты. Однако позже, уже после возвращения в город, Пион со своим секундантом все-таки устроил драку с Парисом недалеко от дома полицмейстера. Подоспевшие полицейские арестовали всех троих. На вопрос о пистолетах Пион ответил, что всегда держал их у себя, а порох и свинец для пуль купил у солдат, которые вели его в Пензуⁱⁱⁱⁱ.

Тот же Парис, присланный под надзор полиции в Пензу еще в 1812 г., пытался вступить в российскую военную службу. Пензенский губернатор имел неосторожность весной 1813 г. написать донесение о его желании на высочайшее имя, минуя Министерство полиции, за что получил замечание от главнокомандующего в Санкт-Петербурге Вязмитинова^{liv}.

В середине июня 1814 г., незадолго до освобождения военнопленных, в пензенском обществе стали распространяться слухи, что Пион угрожал по возвращении домой убить нового французского короля Людовика XVIII. Это было серьезное обвинение, и делу был дан официальный ход. Проводивший расследование пензенский полицмейстер Кривков быстро выявил источник этих слухов. Им оказался подполковник российской службы Радольф, француз по происхождению, присланный в 1812 г. под надзор полиции в Пензу за отказ воевать против соотечественников. Тот подтвердил, что лично слышал эти угрозы от Пиона и в качестве свидетеля назвал учителя местной гимназии Галье. Однако Галье не подтвердил эту информацию. Сам Пион, подполковник императорской гвардии и кавалер ордена Почетного легиона, клялся честью и также отрицал все обвинения в свой адрес, объясняя донос желанием погубить его. Так как других свидетелей против Пиона не было, подозрения с него были сняты. Результаты расследования были 7 июля отправлены в Санкт-Петербург Вязмитинову^{lv}. Насколько основательны были подозрения в отношении Пиона, сказать сложно, но свидетельство Ф.Ф. Вигеля, общавшегося с ним в Пензе говорит не в пользу француза. Пион, по его словам, солдатом участвовал еще в Египетском походе, являлся страстным поклонником французского императора и был лично известен ему. Вигель писал, что преданность Пиона Бонапарту «доходила до изуверства»^{lvi}.

19 сентября 1813 г. краснослободский городничий отправил рапорт губернатору о пленном начальнике бюро госпиталей Жанвье Сципионе, замечая того в неблагонамеренности к России и считая, что за ним нужен особенный присмотр. Так как наблюдение за пленными вели местные инвалиды, не знавшие французского языка, городничий просил перевести Сципиона в другой город. 6 октября последовало распоряжение о переводе Сципиона в Городище, куда тот прибыл 21 октября^{lvii}. На новом месте он, по крайней мере до середины декабря, не получал денежного довольствия и испытывал нужду в пропитании^{lviii}. Факт неожиданной отправки Сципиона из Краснослободска в начале октября 1813 г. подтверждает в своих записках и Фуртенбах, который жил вместе с ним. Он пишет, однако, что причина и место, куда был переведен пленник, остались ему и его товарищам неизвестны^{lix}.

6 ноября 1813 г. в Пензу поступило распоряжение Особенной канцелярии Министерства полиции № 4006 от 17 октября об освобождении пленных баварцев и отправлении их в Радзивиллов^{lx}. 10 ноября губернатор разослал городничим ордера о присылке баварцев в Пензу. К 1 декабря в городе были собраны баварские 2 штаб-офицера, 8 обер-офицеров (в том числе Фуртенбах), 5 нижних чинов. Четыре рядовых ждали в находящемся на пути в Тамбов Чембаре^{lxi}. Для пленных была закуплена зимняя одежда на 697 руб. 50 коп., и 2 декабря они тронулись в путь в сопровождении квартального надзирателя Васильева, 16 декабря придя в Тамбов^{lxii}.

25 ноября и 9 декабря были получены распоряжения от 11 и 28 ноября об освобождении соответственно вюртембергцев и военнопленных Рейнского союза^{lxxiii}. Для 8 вюртембергских рядовых было куплено одежды на 338 руб. 20 коп., 16 офицеров получили на одежду по 54 руб. 70 коп., а 44 обер-офицера Рейнского союза - по 100 руб.^{lxxiv} После 25 декабря в сопровождении дворянского заседателя Станевича из Пензы вышла партия в числе 4 штаб-офицеров, 3 докторов, 52 обер-офицеров, 38 рядовых, благополучно достигнув Тамбова 4 января^{lxxv}. В этой партии, кроме Йелина и Зодена, находился еще один мемуарист - вестфальский сержант Флек. Его мемуары вышли в 1845 г. только под фамилией, теперь же по спискам пленных можно установить его имя или одно из имен - Луи (очевидно, Людвиг)^{lxxvi}.

Следующее распоряжение № 134 от 14 января 1814 г. об освобождении пленных, касавшееся всех германцев, а также подданных Далмации, Кроации и голландцев из немецких земель, поступило 26 января^{lxxvii}. В Пензе собрались 5 обер-офицеров и 57 нижних чинов разных национальностей. 21 февраля они, вместе с квартальным надзирателем Дьячковым, отправились в путь^{lxxviii}.

1 июня 1814 г. в Пензу пришло долгожданное для многих распоряжение № 1505 от 13 мая об освобождении всех без изъятия пленных^{lxxix}. Еще через два дня от Тамбовского губернатора поступила просьба направлять чиновников для сопровождения пленных сразу до места назначения, а не только до Тамбова, чтобы избежать скопления там людей и задержек в пути^{lxxx}. 11 июня последовало распоряжение губернатора в адрес городничих о формировании партий освобождаемых пленных.

19 июня под надзором штабс-капитана Фомичева из Пензы в Радзивиллов выступила партия итальянцев в числе 1 обер-офицеров, 29 нижних чинов, 3 женщин и 2 детей^{lxxxi}.

К моменту освобождения французы находились в следующих городах: в Пензе - 4 штаб-офицера, 23 обер-офицера, 35 нижних чинов, 2 женщины; в Городище - 1 штаб-офицер, 17 обер-офицеров (в том числе 3 швейцарца), 1 унтер-офицер; в Мокшанске - 9 обер-офицеров, 89 нижних чинов (в том числе 9 голландцев), 3 женщины; в Краснослободске - 14 обер-офицеров, 64 нижних чина, 4 женщины; в Керенске - 30 обер-офицеров; в Чембаре - 129 нижних чинов (в том числе 12 голландцев и 5 швейцарцев)^{lxxxii}; всего 5 штаб-офицеров, 93 обер-офицера, 318 нижних чинов, 9 женщин.

Шесть обер-офицеров (Сегтор, Бонифас, Венсант, Люирис, Перотень и Шевре) объявили желание отправиться на родину за свой счет, в связи с чем им была вручена подорожная, и они отправились в путь раньше других в сопровождении унтер-офицера Анисимова^{lxxxiii}.

Остальные, кроме больных лейтенантов Оливье, Комбье и Фаррень, а также оставшихся на жительство пленных, были сгруппированы в Пензе (205 человек) и Мокшанске (215 человек)^{lxxxiv}. Точный срок выхода партии из Мокшанска установить не удалось, а вторая партия из Пензы вышла 8 июля с подпоручиком Мишовым^{lxxxv}.

Лейтенант Фаррень, выздоровев в мае 1815 г., долго добивался возвращения домой, но, очевидно, в связи с событиями во Франции его выезд задержался до января 1816 г.^{lxxxvi} Каким-то образом угодивший под надзор полиции лейтенант Комбье и лекарь Оливье изъявили желание остаться в России, однако в просьбе им было отказано. В феврале 1816 г. они были отправлены в Белосток^{lxxxvii}. Даже в сентябре 1816 г. под присмотром пензенской полиции числился дезертир лейтенант Парис^{lxxxviii}.

Анализ мемуаров воинов армии Наполеона, побывавших в Пензенской губернии, позволяет осветить ряд сюжетов, связанных с пребыванием пленных на территории Российской империи. Это, в первую очередь, восприятие ими России и русских, взаимоотношения с различными социальными и национальными группами российского населения, с губернской и уездной администрацией, а также общие условия содержания пленников. В данной статье мы умышленно опустим общие рассуждения о России, русском народе, его характере, нравах и обычаях, поскольку это предмет для отдельного детального исследования, и сосредоточимся на анализе конкретных впечатлений, четко привязанных к определенной местности и времени. Такой подход имеет два преимущества. Первое состоит в том, что при наличии «параллельных» в хронологическом и географическом отношении текстов излагаемые мемуаристами факты мы можем сопоставлять между собой. Второе обусловлено возможностью перепроверки и дополнения мемуарных свидетельств с помощью архивных материалов, прежде всего провинциальных. Мемуары по военнопленным в Пензенской губернии обеспечивают

возможность реализации подобного подхода.

Для начала несколько слов о пленных-мемуаристах, побывавших в Пензенской губернии. Сохранились несколько мемуаров военнопленных.

Французский обер-лейтенант Карл Христиан Людвиг Шенк фон Винтерштедт, родившийся в Ганновере, был отправлен в Саратов, и там его застал приказ из столицы об отправке вестфальских и ганноверских пленнх в Петербург, куда он и был вместе с другими отправлен по маршруту, который огибал Москву с севера, т. е. через Нижний Новгород, Кострому и Ярославль. Из Саратова Шенк выехал 16 мая 1813 г., и через несколько дней прибыл в Пензу, где и пробыл два дня^{lxxxix}.

Поздней осенью 1812 г. врач 1-го класса 10-го гусарского полка армии Герцогства Варшавского С.Б. Пешке тем же маршрутом был отправлен внутрь России и провел четыре дня в Пензе^{lxxx}.

Обер-лейтенант 5-го баварского полка линейной пехоты Фридрих фон Фуртенбах (1779-1856) прибыл в Пензу 26 августа 1813 г. А 1 сентября был отправлен оттуда в уездный город Краснослободск, куда и прибыл 5 сентября^{lxxxii}. Дата прибытия Фуртенбаха в Пензу, которую он приводит, с учетом разницы старого и нового стиля лишь на один день отличается от той, которая фигурирует в официальных русских документах (13 августа). Вполне возможно, что Фуртенбах сделал запись в дневнике на следующий день после прибытия. А может быть, предписания о распределении пленников по городам были даны накануне прихода партии, если списки пленнх у губернатора уже были. Так что Фуртенбах мог прийти в Пензу 14 (26) числа, как он и сам написал. В октябре он совершил небольшое путешествие в Вольск, уездный город Саратовской губернии^{lxxxiii}. А 26 ноября 1813 г., после получения предписания об освобождении баварцев, отправился обратно в Пензу, 30 ноября прибыл туда и, пробыв в городе две недели, 16 декабря выехал в Тамбов, куда приехал 25 декабря^{lxxxiiii}. Впрочем, в официальных документах, как упомянуто выше, датой отъезда из Пензы считается 2 декабря (т. е. 14 по н. ст.), а датой приезда в Тамбов -16 декабря (28 по н. ст.). Разница в 2-3 дня может объясняться тем, что распоряжение об отправке было дано на два дня раньше реального отъезда, а данные о прибытии отразились в документах лишь через три дня.

Мы располагаем двумя вариантами воспоминаний Фуртенбаха. Судя по тексту, оба они основаны на дневниковых записях автора. Это видно хотя бы по тому, как автор точно приводит даты и названия населенных пунктов, через которые он проходил. Один из вариантов («Война против России и русский плен. Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812-1813 годов») опубликован его родственником майором Фридрихом Фуртенбахом в 1912 г. (он снабжен предисловиями и примечаниями). Это, по-видимому, наиболее близкий к первоначальному дневниковому тексту вариант. Вместе с тем еще в 1831-1832 гг. вышел двухтомник «Воспоминания о русском плене двух немецких офицеров», подготовленный к печати Францем Зоденом. Первая часть была анонимной. Но при сравнении ее с «Заметками» Фуртенбаха выясняется, что оба текста почти идентичны. Текст 1831 г. представляет собой литературно обработанный вариант «Заметок» (точнее, первоисточника, положенного в их основу), очевидно специально подготовленный для печати. При переработке была облегчена стилистика текста, произведена перекомпоновка фрагментов, что обеспечивало более логичное изложение материала, текст был разбит на главы, некоторые сюжеты дополнены подробностями, по всей видимости, воспроизведенными мемуаристом по памяти. Однако в целом характер и направленность текста не претерпели изменений^{lxxxv}.

Еще один мемуарист - сержант вестфальского егерско-карабинерного батальона Флек. В своих мемуарах, которые он вероятнее всего писал по памяти спустя некоторое время после возвращения из плена, Флек весьма приблизительно указывает хронологию событий. Маршрут, описанный Флеком, также выглядит несколько странно. Из Саратова он вместе с партией пленнх был отправлен по Волге и после двухнедельного путешествия вместе с другими пленными был высажен на берег недалеко от Нижнего Новгорода. Через три дня партия получила предписание двигаться в Пензенскую губернию, куда Флек и прибыл в конце декабря 1813 г.^{lxxxvi} В начале февраля 1814 г., как пишет Флек, власти Пензы получили предписание об освобождении части немецких пленнх. Отправка партии задерживалась, так как ждали прибывающих из других городов. Ждать пришлось более двух недель^{lxxxvi}. Однако в действительности все эти события происходили в декабре 1813 г. Как уже упоминалось выше, предписание об освобождении пленнх вестфальцев, в том числе подданных Рейнского союза, было получено в Пензе 9 декабря. Известно, что в декабре 1813 г. здесь собрали немцев, которых после 25 декабря отправили в Тамбов в сопровождении дворянского заседателя Станевича, куда они прибыли 4 января 1814

г.^{lxxxvii} Среди них в списках значился вестфальский сержант Луи Флек, записанный как конный карабинер ^{lxxxviii}, хотя у вестфальцев такого рода войск не было. Был один батальон пеших егерей-карабинеров, к которым и относился мемуарист, так что вероятнее всего в списках упомянут именно Флек-мемуарист, а не его однофамилец. По всей видимости, Флек, писавший воспоминания через много лет после событий, перепутал даты и переместил события, происходившие в декабре 1813 на февраль 1814 г.

Наконец, в Пензенской губернии провели весь плен еще два вюртембергских мемуариста, находившиеся в одной партии: обер-лейтенант вюртембергского 4-го полка линейной пехоты Юлиус фон Зоден и обер-лейтенант вюртембергского 2-го полка линейной пехоты Кристоф Людвиг фон Йелин (1787-1861).

Мы располагаем двумя произведениями Йелина - дневником и мемуарами. Дневник был опубликован в 1910г. Пребыванию в Пензенской губернии автор посвятил 11 страниц. Согласно дневнику, партия прибыла в Пензу 29 июня 1813 г. (Это совпадает с архивными данными (18 июня), с разницей в 1 день.) Через 18 дней он вместе с Зоденом и другими пленными офицерами был отправлен в Саранск^{lxxxix}. 16 декабря 1813 г. вюртембергцам в Саранске было объявлено об освобождении, 24 декабря они выехали в Пензу, куда и прибыли на следующий день. Наконец, 8 января 1814 г. (по н. ст.) пленники покинули Пензу и 16 января прибыли в Тамбов^{xc}. Дата прибытия партии в Тамбов полностью совпадает с архивными данными. Однако еще в 1817 г. были опубликованы анонимные воспоминания «Достопамятные дни моей жизни. Поход и плен в России. Из дневника немецкого офицера». Сравнение текста дневника Йелина с этими воспоминаниями позволяет сделать вывод о том, что автором «Достопамятных дней...» также был Йелин. Текст, опубликованный в 1817 г., почти полностью включает в себя текст дневника, изданного в 1910 г. Исключения составляют лишь списки офицеров, с которыми был в плену автор (в числе бывших с ним в Саранске пленных Йелин называет и Зодена). Вместе с тем текст 1817 г., посвященный пребыванию в Пензенской губернии, существенно больше по объему - 32 страницы. Увеличение объема достигнуто за счет многочисленных подробностей в описании событий плена, а также нравов и обычаев народов России, с которыми автор познакомился в плену. К публикации 1817г. приложены и авторские зарисовки, некоторые из которых посвящены пребыванию в плену^{xc1}. Сопоставляя тексты обоих изданий, следует отметить одну деталь, касающуюся хронологии. Согласно варианту 1817 г., пленные выехали из Саранска не 24, а 21 декабря, и это более правдоподобно с учетом того, что прибыли они в Пензу 25 декабря, а летом из Саранска в Пензу дорога протяженностью около 120 верст (по карте 1833 г.) заняла несколько дней^{xcii}. Что касается содержательной стороны, то стоит отметить: мемуары, очевидно рассчитанные на публику, содержат больше негатива в отношении России и русских, нежели дневник. Хотя в целом и по мемуарам Йелина положение пленников рисуется вполне благополучным.

Наконец, несколько слов о воспоминаниях Зодена, изданных им самим или его родственником в составе упомянутого уже двухтомника в 1832 г.^{xciii} Зоден прибыл в Пензу 29 июня 1813г. (так же как и Йелин). Зоден называет и точную дату отъезда из Пензы в Саранск (он зашифрован как «С... ю») - 16 июля, и прибытия туда - 18 июля. В качестве даты отъезда из Саранска в Пензу Зоден называет 20 декабря (на один день раньше Йелина), а в качестве даты прибытия туда - 27 декабря (на два дня позже)^{xciv}. Зато дата отъезда из Пензы и прибытия в Тамбов, соответственно 8 и 16 января, совпадают с показаниями мемуаров и дневника Йелина^{xcv}.

Наиболее подробно описал Пензу Йелин. Он отмечал, что город расположен в приятной местности, выпянут в длину, большинство улиц немоощные. Указывал Йелин и на наличие извозчиков, которые за небольшую плату могли доставить желающих в любое место города. Обратил он внимание также на кафе и бильярдные, которые, впрочем, находились «на самом низком уровне и очень простые». Посещение бильярдной настолько поразило Йелина, что он даже зарисовал ее, приложив рисунок к мемуарам 1817 г. издания. Бильярдная представляла собой закопченную комнату с плохо вычищенными светильниками, развешанными по стенам вокруг стола. Стол был затянут синим сукном, а многочисленные дырки были закрыты зелеными заплатами, пришитыми белыми нитками. Под стать заведению был и маркер - маленький некультурный человек, и общество игроков, над которым пленники, покинув заведение, долго смеялись. Упомянул мемуарист и о том, что жители Пензы более вежливы по сравнению с населением других местностей. Квартиры в Пензе были хорошие, Йелин и члены его «артели», в частности, получили большую красивую комнату^{xcvi}. Впрочем, качество квартир, по-видимому, во многом объяснялось наличием свободных мест, а не статусом постояльцев. Йелин в мемуарах отмечал, что на обратном пути, уже после получения свободы, в Пензе он и его товарищи имели

квартиры гораздо худшие, чем когда прибыли туда в качестве пленных^{xcvii}.

Фуртенбах вспоминал, что пленные офицеры, с которыми он приехал, были расквартированы в отдаленном пригороде. Сам он жил у бедных, старых, но добрых людей. Вообще, по его впечатлениям, город был наполнен пленными офицерами, преимущественно баденцами и бергцами. Он также подробно описывает город, отмечая его красивое расположение, множество домов дворян, в которых они живут зимой, театр с хорошими декорациями, обилие садов^{xcviii}.

Зодену Пенза понравилась гораздо больше, чем Тамбов. Здесь было больше образованных и знакомых с немецкими обычаями людей. По его мнению, Пенза отличается от всех виденных им ранее русских городов тем, что «похожа на милый немецкий город». И квартиры в Пензе были намного лучше тамбовских. Отметил мемуарист и дешевизну продуктов^{xcix}.

Пешке, наоборот, жаловался на неудобные квартиры. Город он не рассмотрел по причине плохой погоды^c. О плохих и грязных квартирах упоминал также Шенк. Город показался ему по сравнению с Саратовым очень маленьким. Кроме губернаторского дома, мемуарист не заметил ни одного здания, которое показалось бы ему красивым. Однако, как и другие мемуаристы, Шенк посетил и описал лошадиный рынок^{ci}. Флек, как и Шенк, отметил почти полное отсутствие в городе красивых зданий, а также подчеркнул дешевизну продуктов на местном рынке (дешевле, чем в Саратове)^{cii}. Рассматривая эти характеристики, стоит отметить, что и Шенк, и Флек прибыли в Пензу из Саратова - крупного приволжского торгового города, в сравнении с которым Пенза явно проигрывала. А Йелин, Зоден и Фуртенбах прибыли из переполненного пленными и войсками небольшого Тамбова, который выполнял роль транзитного пункта на пути пленных и в сравнении с которым Пенза выглядела гораздо более привлекательно.

Понравились мемуаристам также и уездные города, где они провели большую часть времени плена, Краснослободск и Саранск. В Краснослободске пленные были распределены на квартирах по двое. И как отмечал Фуртенбах, регулярно получали деньги в медной монете. Мемуарист писал, что он со своим товарищем по фамилии Сципио (в русских документах Сципион) были поселены у красильщика. Они жили в маленьком отдельном домике со светлой комнатой. В доме была печь с трубой, подвал и коридор. Хозяева были славные и услужливые. Вместе с другими пленными Фуртенбах входил в «артель», которая была создана для совместного ведения хозяйства, что давало большую экономию. Мемуарист был там поваром. Как и другие, Фуртенбах отмечал дешевизну продуктов^{ciii}.

Оказавшиеся в Саранске пленники также радовались необычайно низким ценам на продукты. Так что, если они не были приглашены на обед к кому-нибудь из местных жителей, то готовили сами. Постепенно бытовая жизнь пленных пришла в норму: они приобрели себе белое белье, избавились от досаждавших насекомых^{civ}. Саранск понравился Зодену, который отметил наличие в городе множества церквей с красивыми куполами. Зоден вместе с товарищами попал на квартиру к молодому хозяину, у которого пленники хотя и не нашли дружеского приема, но зато получили более просторное и чистое помещение, чем в Тамбове^{cv}. Артельное ведение домашнего хозяйства приносило свои плоды^{cvi}. Денег хватало даже на чай, кофе и походы в кабак^{cvii}.

Таким образом, опираясь на свидетельства мемуаристов, материально-бытовые условия пребывания пленных в Пензенской губернии можно оценить как вполне благоприятные.

Особая группа сюжетов в мемуарах пленных - их взаимоотношения с местными властями. Наутро после приезда Шенк и его товарищи были «очень дружески» приняты губернатором Голицыным, который угостил их хорошим завтраком и познакомил с новостями из армии, которые, впрочем, оказались ложными^{cviii}. Как пишет Зоден, по прибытии в Пензу по некоторым обстоятельствам пленные заключили, что администрация здесь более вежливая и участливая. Пленные офицеры нанесли визит губернатору князю Голицыну и были приняты вежливее, чем могли бы ожидать в своем положении в отдаленной русской области^{cix}. Пензенский полицмейстер Иван Васильевич, по мнению Фуртенбаха, - любезный, воспитанный человек^{cx}. Фуртенбах также заметил, что при отправлении из Пензы на родину пленные были представлены губернатору Голицыну. Все пленные были снабжены при отправке зимней одеждой^{cxii}.

Впрочем, отношения пленников с губернской администрацией были омрачены финансовым конфликтом. Известно, что циркулярным предписанием от 2 октября 1813г. Министерство полиции сообщило о том, что Комитет министров, «соображаясь с человеколюбивыми правилами его императорского величества», принял решение о необходимости выделения офицерам по 100 руб. на одежду^{cxii}. Это стало известно пленникам. Согласно мемуарам Флека, при освобождении пленным было объявлено, что император Александр пожаловал пленным по 100 руб., нижних чинов полагалось снабдить

зимней одеждой, а офицерам предоставить также экипаж. Однако, сообщает далее Флек, губернатор отказал нескольким офицерам в выплате указанной выше суммы^{cxiii}. О невыполнении Голицыным этого предписания пишет и Йелин. Узнав, что пленные должны были получить при отъезде по 100 руб., они обратились к губернатору через посредство жившего в Пензе весьма уважаемого немецкого портного. Сначала ответа не последовало, однако после настойчивых просьб пленники получили только по 50 руб. со ссылкой на то, что теперь они возвращаются на родину и деньги им не нужны. Однако один иллирийский офицер, понимавший немного по-русски, сообщил им позднее, что на самом деле они расписались не за 50, а за 100 руб., из которых половина, как считает Йелин, попала в карман губернатора^{cxiv}. О том, что приказ о выплате пленникам по 100 руб. был выполнен не в полной мере, сообщает и Зоден^{cxv}.

Сложно сказать, каковы были мотивы поведения князя Голицына. Однако стоит обратить внимание на два обстоятельства. Никто из мемуаристов не указывал, что помянутая сумма была предназначена офицерам на одежду; они воспринимали выплату денег как некий подарок императора. А между тем в мотивировочной части предписания говорилось, что Комитет министров решил выделить деньги «пленным обер-офицерам, которые получают только по 50 копеек в день на свое содержание и, не имея способов одеть себя, пожелают воспользоваться пособием на то от правительства»^{cxvi}. И хотя в постановляющей части, обращенной к губернаторам, никаких оговорок относительно ограничения в выдаче денег не содержалось, можно предположить, что Голицын по-своему интерпретировал текст предписания, решив выдавать деньги лишь нуждающимся в одежде офицерам, что и вызвало недовольство. Факт выдачи некоторым пленным офицерам не по 100, а по 50 с небольшим рублей, подтверждается и уже приведенными выше архивными документами, наличие которых позволяет снять с губернатора подозрения в коррупции.

Зато уездная администрация Краснослободска и Саранска произвела на пленных самое благоприятное впечатление. Хотя городничий в Краснослободске, где жил Фуртенбах, был строгий и пунктуальный и внушал страх всему городу, мемуарист не осуждает его, замечая, что «при этом народе нужно быть строгим и серьезным»^{cxvii}. Пленные в Краснослободске имели возможность гулять по городу и даже выходить за его пределы, но не далее версты и небольшими группами. Ежедневно утром и вечером их посещал унтер-офицер из местной воинской команды, который контролировал не только наличие пленных на месте, но и принимал от них жалобы и просьбы^{cxviii}.

Полицмейстер в Саранске, по словам Йелина, был славный человек, подготовивший заранее для пленных хорошие квартиры. На следующий день после приезда несколько пленных офицеров решили нанести ему визит. Старый француз-губернер вежливо принял визитеров и, сообщив, что хозяин в отъезде, обещал доложить о посещении. Через несколько дней полицмейстер вызвал пленных, «превосходно» принял их и пригласил к обеду^{cxix}. Йелин писал в мемуарах, что в другом уездном городе, как он потом узнал, полицмейстер был грубиян и допускал неподобающее обхождение с пленными со стороны крестьян. Какой именно город имел в виду Йелин и насколько достоверны эти сообщения, сказать нельзя^{cxx}. Описание визита к полицмейстеру у Зодена несколько отличается. Он упоминает только об одном посещении, губернер в его рассказе превращен в домоправителя, а самого хозяина он «производит» в чин полковника или генерал-майора. Но в целом визит к полицмейстеру и обед у него произвели на Зодена также самое благоприятное впечатление. Особо отмечает он, что жена полицмейстера с большим участием относилась к пленникам^{cxxi}. Лишь к концу пребывания в Саранске от немецких офицеров потребовали подписку о том, что они не уйдут из плена. Впрочем, ее они дали охотно, поскольку понимали, что добраться до Германии «от границы Азии» довольно сложно. Кроме того, пленники помнили, каким жестоким наказаниям еще во время пребывания их в Минске подвергались те, кто пытался бежать^{cxxii}.

Весьма удачно складывались отношения у пленных и с местным населением, в первую очередь с благородным сословием. Под вечер на улице двое жителей Пензы познакомились с Шенком и его товарищами, узнали, кто они, и пригласили к себе в гости. Вечером четверка лошадей подъехала к квартире пленников и отвезла их в дом «господина Шереметева» (не графа), где собралось изысканное общество. «Мы забыли здесь снова наше печальное положение, остались на ужин и провели в этом кругу несколько очень приятных часов», - вспоминал Шенк^{cxxiii}.

Хороший прием, оказанный пленным офицерам в доме у полицмейстера в Саранске, послужил своеобразным сигналом для местного дворянского сообщества. Как

подчеркивал Йелин, ни одни именины или семейное торжество не обходилось без пленных. В свою очередь, и простой народ в обхождении с пленниками был вежлив, редко проходя мимо них, не поздоровавшись^{сxxiv}.

Для характеристики отношения местного дворянства к пленным офицерам показательна история небольшого конфликта с двумя русскими офицерами, жившими в своих поместьях, рассказанная Йелиным в мемуарах. Он произошел на приеме у полицмейстера Саранска и был вызван тем, что девушки все время танцевали с пленниками, явно игнорируя соотечественников. Последние попытались выяснить с соперниками отношения, однако вынуждены были уступить и удалиться после того, как девушки заявили, что им приятнее танцевать с офицерами, которые воевали за свое отечество и продолжили бы при первой возможности сражаться, чем с теми, кто в тяжелый момент находится вне армии^{сxxv}.

О хорошем приеме пленных в Саранске со стороны дворян пишет и Зоден. Мемуарист рассказывает, что во время ярмарки он и его товарищи познакомились с несколькими дамами-дворянками, с которыми у них завязалась дружба и которые приглашали немецких офицеров в гости к себе в поместье^{сxxvi}. Позднее, при возвращении, эти дамы снабдили своих знакомых офицеров теплой зимней одеждой и даже предлагали хороший экипаж^{сxxvii}. При отъезде пленников из Саранска местное дворянство очень сожалело об этом, устроило проводы и даже снабдило их деньгами для покупки меховой одежды^{сxxviii}.

Один из самых знаменитых русских мемуаристов XIX в. Ф.Ф. Вигель, живший в 1812-1814 гг. в Пензе, описывая праздник, состоявшийся в мае 1814 г. у губернатора, отметил, что туда были приглашены из соседних уездов и пленные французские офицеры. «Вечером слышались песни разных народов: тут были и русские песельники, и трупы тирольцев, итальянцев, славян и других, все набранные из пленных солдат разрушенной армии Наполеона»^{сxxix}.

Упомянув хорошее знание иностранных языков среди дворян и хорошие способности к обучению даже у простого народа, Йелин не преминул отметить весьма примитивные представления высшего российского сословия в вопросах географии и медицины^{сxxx}.

Йелин заметил, что особенной популярностью пользовались врачи, поскольку в городе не было ни врача, ни аптеки. Одному врачу даже настойчиво предлагали остаться в городе на выгодных условиях, впрочем, он тоже не согласился^{сxxxi}. О большой популярности в Саранске пленных немецких медиков писал и Зоден. Он сообщал также, что один офицер шутки ради стал выдавать себя за врача-однофамильца, также находившегося в Саранске^{сxxxii}. По архивным данным можно установить фамилию шутника. Им оказался баденский лейтенант Герман Клейн, а его товарищем по плену являлся вюртембергский хирург Эрнст Клейн^{сxxxiii}. Впрочем, однажды пациент отказался платить за услуги, так что пленным пришлось обращаться за помощью к властям^{сxxxiv}.

Некоторых из пленных офицеров дворяне, как пишет Йелин, забрали к себе под предлогом обучения детей^{сxxxv}. Фуртенбах вспоминал, что недалеко от Краснослободска, где он отбывал свой плен, находилось поместье полковника Фалькенклау, родом из Курляндии. Он добился от городничего разрешения брать к себе на воскресенье по несколько пленных. Приемом они были очень довольны. А после того как Фуртенбах, применив свои медицинские познания, вылечил дочь полковника, тот испросил у городничего разрешение взять пленника с собой на несколько дней в поездку в г. Вольск Саратовской губернии^{сxxxvi}. Приводимые Фуртенбахом сведения подтверждаются и архивными материалами, согласно которым в июле 1813г. проживающий в трех верстах от Краснослободска полковник Финкенкло (таково написание в документе) просил дать ему на квартиру одного немецкого офицера, что было разрешено 27 июля^{сxxxvii}. Однако фамилии этого офицера мы не знаем. Материалы ГАПО свидетельствуют о том, что пленников забирали к себе на жительство и другие представители местной элиты. У гвардии подпоручика князя П.В. Долгорукого проживал французский рядовой Гильмир^{сxxxviii} У Жукова - французские обер-офицеры Бонифас и Оливье^{сxxxix}, причем последний, врач по специальности, пожил и в доме надворного советника Алферьева^{cxl}.

Надо сказать, что такое внимание к пленным местное дворянство проявляло несмотря на то, что война 1812 года способствовала развитию национального чувства в ущерб космополитическим настроениям сословия. Уже упомянутый Вигель писал: «Всю осень [1812 г.], по крайней мере у нас в Пензе, в самых мелочах старались выказывать патриотизм. Дамы отказались от французского языка. Пожертвование жестокое!.. Многие из них, почти все, оделись в сарафаны, надели кокошники и подвязки... Губернатор не мог упустить случая пощеголять новым костюмом: он нарядился, не знаю с чьего дозволения, также в казачье платье, только темно-зеленого цвета с светло-зеленой

выпушкой. Из губернских чиновников и дворян все те, которые желали ему угодить, последовали его примеру. Слуг своих одел он также на казачки...»^{cxlii} Тот же мемуарист рассказывал, как патриоты перебили ночью окна в доме высланной из Волынской губернии графини Рышевской, в то время как она вместе с двумя также высланными под надзор французскими подданными праздновала взятие французами Москвы^{cxlii}. Правда, пик патриотических настроений приходился на осень 1812 г., в то время как приводимые нами свидетельства о положении пленных относятся к 1813-1814 гг.

О некоторой разнице настроений общества в 1812 и 1814 гг. можно судить по отношению самого Вигеля к пленным. Если в 1813 г. он старался избегать общества сосланных французов, «а еще более пленных», то к 1814 г. стал посещать их и принимать у себя. Сам мемуарист полагал, что он общался с пленными чуть ли не из жалости, чтобы служить для них источником информации о событиях в Европе, поскольку никто не хотел «с ними водиться»^{cxliii}. Однако с учетом вышеизложенных свидетельств представляется, что это не так: мотивом служила если не тяга к иностранцам, то по крайней мере любопытство. Особенно запомнился Вигелю упоминавшийся уже Пион, участвовавший в дуэли, будто бы угрожавший убить нового французского короля и которого мемуарист «произвел» в полковники. Язвительный Вигель со злорадством рассказывал рыному стороннику Бонапарта об успехах союзных войск, а тот отчаянно спорил, объявляя новости выдумками журналистов. В конце концов они даже поссорились, но любопытство француза взяло верх и он явился к Вигелю за новостями, которые тот поначалу отказывался сообщать, но после уговоров не отказал себе в удовольствии изложить «с некоторою прекрасою»^{cxliv}. Впрочем, такое поведение мемуариста скорее можно объяснить его желчным характером, чем общественными настроениями.

Как сообщал Зоден, во время пребывания в Саранске, пленные перезнакомились почти со всеми жителями города. Для облегчения общения пленники взяли себе имена на русский манер: одного звали Петр Иванович, другого - Николай Павлович. Если же простой народ и считал в душе пленников «язычниками», то дворянство и чиновники подавали ему пример в отношении к бывшим противникам, что было, по оценке мемуариста, в высшей степени гуманно и заслуживало всякого уважения^{cxlv}.

Что касается простого народа, то Зоден вспоминал, что при посещении ярмарки пленникам приходилось слышать от купца с длинной бородой или от пьяного попа крики «Француз!» или «Шельма, Француз!», на которые они, впрочем, не обращали особого внимания^{cxlvi}. Зоден рассказывал также и о том, как русский купец обманул пленного офицера при обмене ассигнаций на серебро^{cxlvii}. Весьма невысокого мнения, по словам Зодена, были пленники о моральном облике священников: слишком уж те были подвержены пьянству^{cxlviii}.

У Фуртенбаха сложились хорошие отношения в Краснослободске с хозяином дома, где он был первоначально размещен, красильщиком по профессии. Вечерами они вели беседы о русской истории (в частности, о Пугачеве) и об охоте^{cxlix}.

Иногда пленные позволяли себе подшутить над непросвещенностью русских. Йелин рассказывал, как, не доходя до Пензы, в кабаке они встретились с партией рекрут, которые шли на войну с французами. Один из рекрут имел 50-рублевую ассигнацию и чрезвычайно гордился этим. Пленные убедили его, что в Париже русские ассигнации не принимают, в результате чего рекрут отправился к владельцу заведения и поменял бумажные деньги на серебро (надо думать, не без убытка для себя), не задумываясь или не зная, как едко замечает Йелин, что он находится по крайней мере в тысяче часов от Парижа^{cl}. Подобная шутка с рекрутами объясняется, по видимому, историей, описанной Зоденом, который был с Йелиным в одной партии. Эпизод, рассказанный Зоденом, произошел в районе Бахима, а ситуация, описанная Йелиным, относится к более позднему времени. Зоден, в частности, упоминал что рекруты из двигавшейся навстречу партии, молодые люди, «будущие победители Наполеона», как язвительно замечает мемуарист, завидя пленников, стали ругаться в их адрес и смеяться над ними. Пленные отвечали глубоким молчанием. Вдруг один из рекрут приблизился и сбил с головы кого-то из пленников шапку. «В мгновение ока, — пишет Зоден, — я схватил героя и позвал на помощь; однако его товарищи попытались его освободить и преуспели в этом». Тут в ситуацию вмешался конвойный офицер, было устроено опознание и виновный был тут же наказан сотней ударов, несмотря на все просьбы пленных пощадить его^{cli}.

Во время возвращения на родину с пленными произошли два неприятных инцидента. Йелин вспоминал, что при возвращении вечером домой на группу пленников напали в центре Пензы несколько человек, избili и попытались ограбить. На крики прибежало еще несколько пленных офицеров, которые

доставили пострадавших домой. После этого спасители отправились домой и сами. Один из них подвергся нападению хозяина дома, причем получил несколько серьезных сабельных ударов, и по состоянию здоровья был на некоторое время оставлен в городе. Несмотря на обещания администрации наказать виновника, дело, как узнали потом пленные, было спущено на тормозах^{clii}. Об этой же ситуации, хотя и несколько иначе, писал и Зоден. Первую часть происшествия он опускает. Отношения же пострадавшего пленника с домохозяином, офицером ополчения, были, по словам Зодена, и до этого происшествия далеки от идеала: квартирант подвергался частым оскорблениям со стороны склонного к пьянству и агрессивного ополченца. Зоден приводит и причину конфликта: хозяин был против того, чтобы квартирант держал в комнате собаку. Кроме того, Зоден сообщает, что пострадавшему помогли уже упоминавшиеся им знакомые дворянки и немец-доктор Эглау, который взял раненого к себе на квартиру^{cliii}.

Зоден замечает, что когда пленные шли в Пензу, жители не разрешали пленным готовить в своих домах^{cliv}. Он также отмечает, что хозяева квартиры в Саранске были категорически против курения пленными табака и пользования печью, однако после жалобы пленным властям вынуждены были позволить им эти «простые желания»^{clv}. Ситуацию проясняет рапорт мокшанского городничего губернатору, поданный весной 1814 г., в котором говорилось, что отправляющиеся на полевые работы жители опасаются оставлять в своих домах проживающих там военнопленных, опасаясь пожаров из-за неосторожного обращения тех с огнем. Обыватели готовы были сами построить близ города биваки для пленных, а городничий обязался поставлять туда дрова и посуду. Порядок в лагере должны были контролировать три солдата инвалидной команды. Однако губернатор не разрешил воплотить эти планы в жизнь, предписав оставить все как есть, а представляющих опасность пленных отправить на полевые работы^{clvi}.

Из приведенных материалов ясно, что ориентированное на европейскую культуру российское дворянство, несмотря на подъем патриотизма, более чем благосклонно относилось к пленным. Вместе с тем разница в культурных традициях основной массы населения и пленным европейцев создавала некоторые предпосылки к конфликтным ситуациям, хотя в целом отношения были вполне мирными.

Весьма важным сюжетом является и оказание помощи пленникам со стороны их соотечественников, проживавших в Пензе. Так, Флек писал, что в городе жили немецкий портной Альсдорф и сапожник Крахт. Они много помогали пленным немцам и именно им немецкие офицеры были обязаны своим сносным положением. В городе жила также немка-акушерка, которая кормила ежедневно нескольких пленных. Кроме того, в Пензе жили ружейник и аптекарь немецкого происхождения, но они, как пишет Флек, соотечественников не поддерживали. Альсдорф, содержащий к тому же трактир, предложил Флеку питаться у него в доме и помог ему с одеждой. Крахт же предоставил ему дешевую и прочную обувь. Эти двое немцев устраивали для пленных уроженцев германских государств маленькие праздники и санные прогулки^{clvii}. Флек пишет также, что офицеры Великого Герцогства Баденского довели до сведения герцога, какую помощь им оказывал портной Альсдорф. В итоге герцог наградил его орденом и ежегодным содержанием, а «человеколюбивый» император Александр, со своей стороны, будто бы пожаловал ему дворянство и поместье с пятьюстами крепостными^{clviii}.

Фуртенбах также говорил о помощи, которую оказывали пленным немцам соотечественники. Он называет портного по фамилии Энгертмайер, бывшего родом из Бреттена (Баденское герцогство). Он одевал всех пленных офицеров за свой счет, а баденцы получали от него и денежные пособия. Называет Фуртенбах и другого портного, уже упоминавшегося Альсдорфа (из Эрфурта), мать которого содержала трактир с дешевой едой и хорошим пивом^{clix}. В более раннем издании 1831 г. Фуртенбах делает существенное дополнение: именно Энгертмайер был награжден великим герцогом баденским (о награде с русской стороны не сказано)^{clx}.

Йелин также отмечал в дневнике, что пленным соотечественникам очень помогал пензенский портной, баденский уроженец, который после завершения кампании по ходатайству бывших пленников удостоился награды от герцога баденского. Однако фамилии портного мемуарист, к сожалению, не называет^{clxi}. Впрочем, в более ранней публикации, собственно в мемуарах, он более подробно останавливается на этом сюжете. В частности, добавляет, что эта история получила огласку немецкой прессе, и дает свой комментарий к этим публикациям. Йелин сообщает, что портной отнюдь не маленький горбатый человек, как писали газеты, а обычный мужчина среднего роста, что он живет по соседству с губернатором, является по совместительству смотрителем его дома и, таким образом, имеет возможность, часто

общаясь с главой губернии, ходатайствовать за своих соотечественников. Йелин считал, что портной, «вероятно некоторым помог деньгами, которые, когда они получили помощь с родины, определенно были возвращены», что он не заслуживает той чрезмерной похвалы, которую ему воздают, поскольку так поступил бы каждый по отношению к своим соотечественникам. Йелин указывал также, что зять этого портного, тоже портной, открыл казино и что-то наподобие закуской или буфета, которую пленники охотно посещали. Эти сведения позволяют объяснить и некоторые противоречия в мемуарах Флека и Фуртенбаха, если предположить, что Альсдорф и Энгертмейер как раз и являются упомянутыми родственниками. Йелин отмечал, что в публикациях существенно преувеличено и количество работников в мастерской старшего портного (их было не 30, а 5-6, это мемуарист видел сам). Впрочем, Йелин имел личные причины принижать заслуги этого семейства - один из его друзей купил у портного подбитое мехом пальто, которое оказалось худшего качества, чем рассчитывал покупатель^{clxii}.

О портном из Бадена писал и Зоден (он называет его Францем Антоном Эгитмайером). По сведениям Зодена, он имел двух сыновей, которые были офицерами русской службы. Этот портной пользовался среди русских большим уважением, имел много друзей и даже пользовался расположением губернатора. «Каждый находившийся тогда в Пензе пленный вспоминает об этом славном человеке с теплым чувством благодарности», - резюмирует Зоден^{clxiii}. Некий портной Франц Егетмайер, помогавший пленным, фигурирует, как было сказано выше, и в официальной переписке. Зоден упоминал, что в Саранске жил учитель Зоммер, урожденный курляндец. С ним у пленных сложились дружеские отношения и они посещали Зоммера почти ежедневно^{clxiv}. Писал Зоден, как уже говорилось, и о том, что раненому офицером ополчения пленному помощь оказал также его соотечественник, доктор Эглау^{clxv}. Стоит отметить, что и Пешке помогли проживающие в городе немцы. В частности, аптекарь Петерсон предоставил ему лекарства, которые он не мог получить официальным путем^{clxvi}.

В целом же, хотя мемуаров, в которых детально описывается пребывание пленников в Пензенской губернии, не много, впечатления мемуаристов от губернии и ее жителей, несмотря на различие в нюансах, в общих чертах совпадают. Причем это «коллективное» впечатление, скорее, положительное, за исключением отдельных конкретных ситуаций, оценки которых, в свою очередь, тоже совпадают по общей направленности. Более того, в ряде случаев сведения, сообщаемые мемуаристами, находят подтверждения в официальной переписке. Эти обстоятельства имеют значение не только в плане характеристики положения пленных в отдельно взятом регионе, но и обладают источниковедческой ценностью, поскольку дают некоторое представление о степени достоверности мемуаров пленных как группы источников в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Государственный Архив Пензенской Области (ГАЛО). Ф. 5. Оп.1. Д. 465. Л. 13.

ⁱⁱ Там же. Л. 14-15.

ⁱⁱⁱ Там же. Д. 419. Л. 23.

^{iv} Там же. Д. 465. Л. 25-27.

^v Там же. Л. 46.

^{vi} Там же. Д. 459. Л. 13-17 об.

^{vii} Там же. Л. 40-44.

^{viii} Там же. Л. 45.

^{ix} Там же. Д. 458. Л. 10 об, 14,15.

^x Там же. Л. 18-19.

^{xi} Там же. Л. 8,28,46.

^{xii} Там же. Д. 458. Л. 51-54 об,

^{xiii} Там же. Д. 461. Л. 52.

^{xiv} Там же. Д. 464. Л. 1-33.

^{xv} Там же. Д. 459. Л. 125 об., 137 об.

^{xvi} Там же. Л. 128.

^{xvii} Там же. Д. 462. Л. 4 об.

^{xviii} Там же. Л. 12,24.

^{xix} Там же. Д. 509. Л. 2 об., 4,6.

^{xx} Там же. Д. 420. Л. 4-5.

-
- xxi Там же. Д. 419. Л. 36-38.
- xxii Там же. Д. 458,461,466.
- xxiii Там же. Д. 459,466.
- xxiv Там же. Д. 466. Л. 33-34,55-56.
- xxv Там же. Л. 1,2,77.
- xxvi Там же. Д. 459. Л. 101 об., 104-105.
- xxvii Там же. Л. 112-113.
- xxviii Там же. Д. 466. Л. 27 об., 29.
- xxix Furtenbach F. Krieg gegen Russland und russische Gefangenschaft. Nürnberg; Leipzig, 1912. S. 183.
- xxx Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73. Оп. 4. Д. 82. Л. 4-5.
- xxxi In Russland 1812. Aus dem Tagebuch des wuerttembergischen Offiziers von Yelin. Muenchen, 1910. S. 87.
- xxxii РГИА. Ф. 759. Оп. 6. Д. 1252. Л. 35.
- xxxiii ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 42.
- xxxiv Там же. Л. 75.
- xxxv Там же. Л. 96-97.
- xxxvi Там же. Л. 110.
- xxxvii Там же. Л. 91,92,95.
- xxxviii Там же. Д. 466. Л. 38-44
- xxxix Там же. Д. 459. Л. 75,143.
- xl Там же. Д. 458. Л. 42.
- xli Там же. Д. 467. Л. 16 об.
- xlii Там же. Д. 461. Л. 90 об.
- xliiii Там же. Д. 459. Л. 122.
- xliv Там же. Д. 461. Л. 83.
- xlv Там же. Д. 509. Л. 25.
- xlvi Там же. Д. 456. Л. 1-17.
- xlvii Там же. Д. 510. Л. 1-20.
- xlviii Там же. Д. 429. Л. 1-2.
- xlix Там же. Д. 573. Л. 1-30.
- ¹ In Russland 1812... S. 84-85.
- li ГАПО. Л. 4,29 об. -30.
- lii ⁵²Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 457. Л. 1-11.
- liii Там же. Д. 489. Л. 10-12,17.
- liv Там же. Д. 441. Л. 100 об.
- lv Там же. Д. 489. Л. 1-8 об., 19.
- lvi *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892. Ч. 4. С. 113-114.
- lvii ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 461. Л. 56-62 об.
- lviii Там же. Л. 96 об.
- lix Furtenbach F. Op. cit. S. 184.
- lx ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 460. Л. 1-4.
- lxi Там же. Л. 29. об.
- lxii Там же. Л. 51 об., 57.
- lxiii Там же. Д. 463. Л. 1-2 об., 28-30.
- lxiv Там же. Л. 17,23 об., 62,91.
- lxv Там же. Л. 73.
- lxvi Там же. Л. 105.
- lxvii Там же. Д. 512. Л. 1.
- lxviii Там же. Л. 29,38-39,40-41.
- lxix Там же. Д. 511. Л. 1.

-
- lxx Там же. Л. 7 об.
- lxxi Там же. Л. 104-106 об, 203.
- lxxii Там же. Л. 128-154.
- lxxiii Там же. Л. 162-164,177.
- lxxiv Там же. Л. 182-183 об.
- lxxv Там же. Д.489.Л.19.
- lxxvi Там же. Д. 538. Л. 1,18.
- lxxvii Там же. Л. 25,27,29-31.
- lxxviii Там же. Д. 573. Л. 4.
- lxxix Mitteilungen aus dem Leben des französischen Oberleutenants Carl Christian Ludwig Schenck. Celle, 1829. S. 129 – 138.
- lxxx Peszke S. Moj pobyt w niewoli rossyjskiej w r. 1812. Warszawa, 1913. S. 34-35.
- lxxxi *Furtenbach F.* Op. cit. S. 168, 179.
- lxxxii Ibid. S. 176.
- lxxxiii Ibid. S. 192 – 194.
- lxxxiv Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren. Bd. 1. Regensburg. 1831.
- lxxxv Beschreibung meiner Leiden und Schicksale vom Foerster Fleck. Hildesheim,1845. S.153.
- lxxxvi Ibid. S. 157,159.
- lxxxvii ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 463. Л. 73.
- lxxxviii Там же. Л. 103-108.
- lxxxix In Russland 1812... S. 82-83.
- xc Ibid. S. 88-89,91.
- xci Merkwuerdige Tage meines Lebens. Feldzug und Kriegsgefangenschaft in Russland. Aus dem Tagebuch eines deutschen Offiziers. Stuttgart, 1817. S. 124-156.
- xcii Ibid. S. 149-150.
- xciii Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren. Regensburg, 1832. Bd. 2.
- xciv Ibid. S. 100,105,139,143.
- xcv Ibid. S. 152,155.
- xcvi In Russland 1812... S. 82; Merkwuerdige Tage meines Lebens... S. 132-133.
- xcvii Merkwuerdige Tage meines Lebens... S. 150.
- xcviii *Furtenbach F* Op.cit.S. 168-169.
- xcix Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft... Bd. 2. S. 100-101,103-104.
- c *Peszke S.* Op. cit. S. 34.
- ci Mitteilungen aus dem Leben... S. 133-134.
- cii Beschreibung meiner Leiden... S. 158.
- ciii *Furtenbach F.* Op. cit. S. 180-183.
- civ In Russland 1812... S. 85.
- cv Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft... Bd. 2. S. 105.
- cvi Ibid. S. 107.
- cvii Ibid. S. 108.
- cviii Mitteilungen aus dem Leben... S. 135.
- cix Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft... Bd. 2. S. 101.
- cx *Furtenbach F.* Op. cit. S. 178.
- cxii Ibid. S. 193-194.
- cxiii ГАЯО. Ф. 73. Он. 4. Д. 82. Л. 74.
- cxiiii Beschreibung meiner Leiden... S. 157.
- cxv In Russland 1812... S. 88-89.
- cxvi Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft... Bd. 2. S. 146.
- cxvii ГАЯО. Ф. 73. Он. 4. Д. 82. Л. 74.

-
- cxvii *Furtenbach F.* Op. cit. S. 180.
- cxviii *Ibid.* S. 181.
- cxix *In Russland 1812...* S. 83-84.
- cxx *Merkwuerdige Tage meines Lebens...* S. 135.
- cxxi *Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft...* Bd. 2. S. 106-107.
- cxxii *Merkwuerdige Tage meines Lebens...* S. 149.
- cxxiii *Mitteilungen aus dem Leben...* S. 135-136.
- cxxiv *In Russland 1812...* S. 84-85.
- cxxv *Merkwuerdige Tage meines Lebens...* S. 136.
- cxxvi *Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft...* Bd. 2. S. 121-123.
- cxxvii *Ibid.* S. 136,141,152.
- cxxviii *In Russland 1812...* S. 88.
- cxxix *Вигель Ф. Ф.* Указ. соч. С. 116.
- xxx *Merkwuerdige Tage meines Lebens...* S. 140-141.
- xxxi *In Russland 1812...* S. 86-87.
- xxxii *Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft...* Bd. 2. S. 110-112.
- xxxiii ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 22 об.
- xxxiv *Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft...* Bd. 2. S. 113.
- xxxv *In Russland 1812...* S.85.
- xxxvi *Furtenbach F.* Op. cit. S. 183-186.
- xxxvii ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 62-63.
- xxxviii Там же. Д. 509. Л. 17.
- xxxix Там же. Л. 23.
- cxl Там же. Д. 538. Л. 5.
- cxli *Вигель Ф. Ф.* Указ. соч. С. 66.
- cxlii Там же. С. 62.
- cxliii Там же. С. 113.
- cxliv Там же. С. 113-114.
- cxlv *Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft...* Bd. 2. S. 138.
- cxlvi *Ibid.* S. 118.
- cxlvii *Ibid.* S. 118-119.
- cxlviii *Ibid.* S. 110.
- cxlix *Furtenbach F.* Op. cit. S. 189.
- cl *Merkwuerdige Tage meines Lebens....* S. 128-129.
- cli *Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft...* Bd. 2. S. 98-99.
- clii *Merkwuerdige Tage meines Lebens...* S. 151-152.
- cliii *Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft...* Bd. 2. S. 146-151.
- cliv *Ibid.* S.100.
- clv *Ibid.* S. 107.
- clvi ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 509. Л. 21-22 об.
- clvii *Beschreibung meiner Leiden...* S. 155-156.
- clviii *Ibid.* S. 159.
- clix *Furtenbach F.* Op. cit. S. 169.
- clx *Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft...* Bd. 1. S. 94.
- clxi *In Russland 1812...* S. 82.
- clxii *Merkwuerdige Tage meines Lebens...* S. 130-131.
- clxiii *Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft...* Bd. 2. S. 102-103.
- clxiv *Ibid.* S. 108-109.
- clxv *Ibid.* S. 151.
- clxvi *Peszke S.* Moj pobyt w niewoli rossyjskiej... S. 34.